

Рецензии

УДК 1 (091)

ФИЛОСОФСКИЙ РАЗУМ: ПОИСК УНИВЕРСАЛЬНЫХ ОРИЕНТИРОВ ПОЗНАНИЯ

(рецензия на книгу: В.В. Ильин. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках *causa finalis*. М.: Проспект, 2016. 271 с.)

Б.Л. Губман, К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Проанализирована стратегия разума, направленная на отыскание трансэмпирического смыслового содержания космосферы, антропосферы, социальной реальности и человеческого, которая предложена в книге В.В. Ильина.

Ключевые слова: разум, идея разума, космическая реальность, антропосфера, области социального и человеческой деятельности, антропология.

Обнаружение универсальных перспектив разума, его целевых ориентиров и возможностей полагать при посредстве идей те базовые реалии человеческого мира, которые принципиально не даны в многообразии эмпирических феноменов, всегда привлекали философскую мысль, стремящуюся показать свое особое место в спектре различных вариантов познания. Философия способна явить через усилия разума те предельные реалии, которые он может постичь, воспаряя над сферой данного и созидая универсум, наполненный архитектурой смысловой завершенности. Еще И. Кант, рассуждая о способности разума позволить конечному человеческому существу объять необъятное в спектре своих идей, поставил с наибольшей остротой эту сложную проблему, которая и сегодня в качественно иной мировоззренческой ситуации заставляет специалистов в области философии вновь и вновь обращаться к ее интерпретации. Тем более, что и сам философский разум предстает ныне не в облике «чистого», а скорее становится «герменевтическим», признавшим свою историчность и зависимость от языка, вплетенность в контекст интересубъективных связей и постоянно ускользающего мига современности. Именно поэтому задача, поставленная в рецензируемой монографии В.В. Ильина, представляется несомненно актуальной. Тем более, что автор уже с первых страниц не скрывает своего намерения рассмотреть в нетривиальном ключе те области предельных оснований мыслительной активности, которые на протяжении столетий привлекали внимание не только философов, но и ученых, писателей, религиозных подвижников и т. д. Книга постоянно возбуждает читательский интерес не только предлагаемой канвой размышлений, обилием культур-

ного материала, используемого для теоретических обобщений, но и своеобразной стилистикой изложения, образно-языковой структурой, не оставляющей безучастными осваивающих ее содержание.

Композиционный строй работы способствует последовательному изложению авторского видения темы. В.В. Ильин знакомит читателей с собственным видением возможностей смыслового постижения космосферы, антропосферы, социосферы, человеческого действия, приводя свои размышления к финалу антроподицеи – оправдания творческих начал деятельности человека. Такое композиционное развертывание обсуждения проблемы опирается на убеждение автора в том, что задача современной метафизики состоит в рассмотрении мира в антропологической перспективе, обнаруживающей под покровом чувственно данного контуры предельных реалий, доступных мысли и запечатлеваемых символически. «Решая проблему, “что есть мир”, философ развертывает не натурфилософскую, а антропософскую сценографию человекоразмерного мира...» (с. 13). Видение мира как «человекоразмерного» определяет авторский подход к поиску тех его предельных, последних реалий, полагаемых рефлексивно «абсолютов», на которые устремлена в финальной инстанции познавательная активность субъекта.

Способность разума постигать космическое целое – космосферу составляет первый вектор усилий мысли, устремленной на рассмотрение открытого в бесконечность мира. Общеизвестны и те антиномии, которые, как показал еще Кант, являются итогом попытки запечатлеть мир как некоторую наделенную смыслом целостность. Разумеется, сегодня в связи с развитием научного знания и осознанием герменевтических полидискурсивных потенциалов разума проблема антиномичности наших суждений о мире в целом приобретает иной горизонт обсуждения. Справедливо полагая, что и в наши дни двумя принципиально полярными конкурирующими подходами к смысловому конструированию целостности мира являются религиозно-телеологический и отрицающий трансцендентное начало варианты, В.В. Ильин солидаризируется с научной версией самопорождения мира в синергетическом ключе. «Естественноисторический эволюционизм, восстановивший торжество научности и мысли, – констатирует он, – явился радикальным умственным способом избавления знания от всевозможных сомнительных финалистическо-креационистских тезисов и усилий» (с. 45). При этом автор признает, что по существу и этот подход страдает значительными проблемами, ибо в контексте картины мира, предлагаемой современной наукой, отсутствует целостная концепция рождения и эволюции космоса, равно как и порождения жизни или человека. Научная трактовка космосферы видится ему более предпочтительной в силу рационально-теоретической аргументированности, интерпретируемой в качестве «антропоморфной» (с. 32). Такая позиция имеет свои резоны, не просто декларируется, но и аргументируется автором в формате избранной

платформы философствования, но, как представляется, кантовские антиномии и сегодня вполне сохраняют свою значимость в силу глубокого осмысления в них именно антропологической ситуации конечного субъекта перед ликом бесконечности.

Вслед за анализом космосферы В.В. Ильин предлагает достаточно интересное рассмотрение антропосферы, изначально подчеркивая, что человек принципиально не может быть рассмотрен как объектно-вещное образование. «Через свою деятельность человек, утрачивая частичность, проявляет себя универсально. Он становится существом, самим себя создающим, интерпретирующим, на себя указующим» (с. 88). Именно в деятельном самосозидании реализуются, по мысли автора, телесный, социальный и духовный компоненты человеческой природы, которые феноменологически фиксируются сквозь призму сознания. Справедливо акцентируя неприменимость для описания человеческого существования объектно-вещного инструментария, В.В. Ильин следует в целом в фарватере основных направлений антропологической постклассической мысли (с. 66). Правда, при этом вполне оправданным было бы подробнее осветить ту неразрешимую дилемму взгляда на человека как вещь среди иных вещей и субъекта нередуцируемой к внешним обстоятельствам внутренней свободы, которую наметил Кант и восприняли все антинатуралистически и нередукционистски ориентированные течения постклассической антропологии. Человек в перспективе его экзистенциального самосозидания, по словам В.В. Ильина, не соглашающегося с установкой М. Хайдеггера, должен изначально мыслиться в модальности коммуникативной связи с Другим, с общностями, с которыми он себя отождествляет и от которых дистанцируется. Экзистенциальный ракурс его бытия фиксируется, как подчеркивается в монографии, в экзистенциалах, «высвечивающих» диспозициональность по отношению миру и другим людям. Отправляясь от этой онтологической специфики человека, автор резонно предполагает читателю задуматься над способом «выстраивания» личностного «Я» через не только социальную идентификацию, но и рефлексивную самоидентификацию. Разумеется, этот процесс требует сегодня при специальном и подробном рассмотрении обращения к нарративной платформе повествования о себе, представленной в работах Ч. Тейлора, А. Макинтайра, П. Рикёра и других авторов.

Философское осмысление взаимосвязи социосферы и области человеческого действия требует осознания общности людей и создающей ее деятельности индивидов как полярных реалий. Так рождается извечная для социально-философской мысли дилемма холизма и индивидуализма. Преодоление противоречия между этими полюсами конституирования социальной реальности, обнаружение их взаимосвязи и взаимоположения составляет предмет размышлений автора, который прежде всего пытается предложить собственный подход к определению понятия «общность».

«Базовый концепт, с которым нам предстоит работать, суть “общность”. Человеческая общность – доподлинно фундаментальное, первоисточное, дальше чего в изучении коллективной природы идти невозможно», – констатирует В.В. Ильин (с. 97). Осознавая возможности и ограниченность исторического и логического подходов к созданию идеи «общности», он предпринимает усилие к объединению этих двух стратегий. Первый шаг в этом направлении делается на базе введения им предположения об основных механизмах конституирования общности как целостности путем интересубъективного взаимодействия. «Для человеческой общности важен тип интерактивных связей, материально (технические акты) или идеально (символические акты) определяющих способ организации совместной жизни в некотором органическом или неорганическом целом» (с. 99). Предлагаемый подход к определению конституирующих общность субъект-субъектных связей опирается на обобщение различного рода социально-философских представлений и близок к варианту рефлексивной социальной теории, представленной именами Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, П. Бурдьё и других авторов. Декларируя таким образом собственное кредо в истолковании социальных общностей, автор в ходе последующих размышлений обращается к реалиям исторического плана и дает их социально-философскую типологизацию в ракурсе конституирования базовых форм человеческой общности. Своеобразный центр формирования «общности» он усматривает в движении от первобытного стада к ранней общине потребителей (верхний палеолит, мезолит) с присущей ей формой большой семьи к возникающей в эпоху неолитической революции и эволюционирующей в период металла развитой родовой общине производителей, трансформирующейся в соседскую общину идвигающуюся в направлении нуклеарной малой семьи и рождения индивидуальной собственности. Как справедливо констатируется в работе, эта логика становления рабовладельческого общества и государства реализуется по-разному на Западе и на Востоке, предопределяя дальнейшую судьбу их развития. Уходя от ортодоксальной марксистской трактовки рождения государства как формы политической консолидации «общности» на базе классового господства, В.В. Ильин пишет, что «начала государственности связываются не с насилием, а с поддержанием, организацией, налаживанием общего воспроизводственного дела» (с. 110). Не исключая наличия в государственном механизме момента легитимного насилия, он пишет, что главное в нем не перераспределение и присвоение прибавочного продукта, а «отладка ритма» и обеспечение «оптимума работоспособности» социального целого. Разумеется, сама по себе проводимая подобным образом генеалогическая реконструкция рождения человеческой «общности» как консолидированного на государственно-политической базе единства выглядит несколько «эскизной» в теоретическом и историческом плане на фоне существующего огромного интердисциплинарного материала, но в целом автор достаточно проду-

манно и последовательно выстраивает собственное видение проблемы, показывая становление социальности на примере обществ, преодолевающих основанный на кровно-родственных связях тип родоплеменной организации.

Не менее интересен и раздел монографии, сопряженный с интерпретацией человеческого действия как предельного основания конституирования «общности». В.В. Ильин рассматривает социальное целое как сотканное из многообразных способов человеческой деятельности и потому несущее в себе изначально ценностно-смысловое содержание. Он обоснованно полагает, что «социальная среда личностна, персоналистична и как таковая должна находить адекватное рефлексивное воплощение» (с. 126). Отсюда возникает в целом и перспектива оценки тех или иных типов социальности в ракурсе того, что они несут для человека и возможности его творческой самореализации. Автор говорит о необходимости признания состоятельности допущения Э. Гуссерля о формировании многообразия рефлексивно окрашенных способов человеческой жизнедеятельности на базе изначально данности «жизненного мира» (с. 140). Именно на этой основе и возникают различные социальные системы, рационализирующие в свете стоящих перед ними задач и при посредстве ансамбля культивируемых ими способов деятельности содержание коррелятивных им «жизненных миров». Критика «формальной рациональности» как укорененной в духовном климате модерности и находящей свое наиболее яркое выражение в проекте Просвещения – одна из основных тем этого раздела рецензируемого труда (с. 145). Издержки просвещенческого рассматривания мира как своеобразного «полигона прогресса разума», которому изначально уготовано финальное торжество, стали предметом обстоятельного осмысления в произведениях теоретиков неомарксизма, постструктурализма, неопрагматизма, постпозитивизма и иных направлений. Ясны и просвещенческие корни левого радикализма, породившего кровавые кошмары истории минувшего столетия. Об этом, например, говорил при анализе истоков и смысла «русского коммунизма» Н.А. Бердяев. Однако вряд ли стоит провозглашать в свете сказанного «прощание» с разумом (П. Фейерабенд), который в модифицированной версии просвещенческого проекта отказался от поиска раз и навсегда незыблемо заданных основ и осознал свои культурно-исторические лимиты, призывая к нескончаемому поиску новых рациональных оснований мысли и действия. В этой связи Ю. Хабермас не без основания характеризует Просвещение как «неоконченный проект», отнюдь не утративший смысла в современном мире.

Искания философского разума, устремленного на постижение предельных смысловых оснований космосферы, антропосферы, социосферы и человеческого действия, могут, как полагает В.В. Ильин, обрести обоснование на платформе антроподицеи. «В пределах теодицеи,

– пишет он, – рефлексия подмеченных следов сложного происхождения нашего мира проводится апологией креативности Всевышнего. В пределах антроподии аналогичная задача решается апологией креативности человека. Человек как существо самосовершенствующееся, приобщенное к *WertsWelt* перманентно культивирует и saniрует в себе и через себя благодатную благоприобретенную способность к миротворчеству» (с. 227). Это мирозидание действительно предполагает переключение регистра исследования в сферу аксиологии и деонтологии. Если познанием не исчерпывается мир человеческой креативности, то постижение предельных смысловых реалий сущего в области космосферы, антропосферы, социосферы и человеческого действия требует выхода в область аксиологии и деонтологии. Действительно, здесь необходимо возникает этическая проблематика Аристотеля, сопряженная с поиском цели благой жизни, и деонтологическое поле универсально должного, высвечиваемое в теории морали Канта. Взаимосвязь между ними, как верно подметил П. Рикёр, достаточно не проста, но может быть обретена, если вспомнить мысль Канта о том, что именно воля к осуществлению Блага лежит в основе универсально должного в человеческих отношениях. В.В. Ильин обоснованно отдает дань признательности кантианскому трансцендентализму в решении этого вопроса. Сегодня в области политики и права рождается проблема корреляции частно-ситуативных максимум с универсальным требованием категорического императива, которая оживленно обсуждается в аналитической философии и герменевтике. Пионером ее рассмотрения применительно к области политики, как известно, была Х. Арендт, обратившая внимание на продуктивность идей третьей критики Канта в анализе этого сюжета. Тема, дискуссионно намечаемая в финальном разделе рецензируемого труда, требует дальнейшего обстоятельного позитивного обсуждения.

Монография В.В. Ильина, посвященная рассмотрению фундаментальных устремлений разума, находящегося в поиске осмысления предельных измерений его компетенции, смысловых «абсолютов» применительно к космосфере, антропосфере, социосфере и человеческому действию, являет собою пример самостоятельного творческого подхода к классической философской проблематике, высвечивающей ее новые грани в ситуации современной культуры. Оставляя рутинные шаблоны теоретизирования, автор вводит читателя в круг собственных размышлений о возможностях философского разума. Книга несомненно будет интересна специалистам в области философии и социально-гуманитарных наук, студентам, а также широкой читательской аудитории, заинтересованной мировоззренческими проблемами, возникающими в культуре рубежа нового тысячелетия.

**PHILOSOPHICAL REASON: IN SEARCH OF THE UNIVERSAL
HORIZONS OF KNOWLEDGE**

**A Review. Пун V.V. Theory of Knowledge. Philosophy as justification of
Absolutes. In search of causa finalis. Moscow: Prospect, 2016. 271 p.**

A review is aimed at discussing the strategy of reason aimed at discovering the trans-empirical meaningful content of cosmic, anthropological, social and human action realities in the interpretation offered by V.V. Пун's book.

Keywords: *reason, idea of reason, cosmic reality, anthropological sphere, social and human action spheres, anthropodicy.*

Об авторах:

ГУБМАН Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail: gubman@mail.ru

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail: carina-oops@mail.ru

Authors information:

GUBMAN Boris Lvovich – Ph.D., professor, Chair of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: gubman@mail.ru

ANUFRIEVA Karina Victorovna – Ph.D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: carina-oops@mail.ru